

Довитому океану на своих судах (кочах) доходили вплоть до Аляски в поисках пушнины, и уже с тех давних времён имели в Сибирских землях свои фактории. Разгром Ермаком Сибирского ханства в 1582 г. и основание ряда крепостей-острогов по рекам Иртыш и Обь открыли более легкие и доступные пути за Урал. Одним из таких была дорога от Средней Оби на Кеть и через Маковский волок на Кемь, впадавшую в Енисей несколько ниже устья Ангары. Эта дорога, соединив великие водные пути по Оби, Енисею, Байкалу и Лене, надолго стала главной магистралью, ведущей в Восточную Сибирь. На ней и был поставлен в 1619 г. Енисейский острог» [4].

С приходом казаков на Енисей в первой половине XVII века началось «объясачивание» ангарских эвенков (русские старожилы называют их «эванками» – И. Г.). Помимо 1234567890 этого, одной из задач был выбор участков, пригодных для земледелия. Во второй половине этого же века началась колонизация Приангарья крестьянами, выходцами с Русского Севера (это нынешние Архангельская, Вологодская, Кировская области, республика Коми). Позднее к ним присоединились крестьяне Московской, Псковской, Тверской, Рязанской, Пермской губерний. «Интенсивный рост крестьянского населения происходит с середины XVII в. до первой половины XVIII в. В Кежемской волости крестьянское население увеличилось за это время почти в два раза. Большинство населенных пунктов, возникших в конце XVII – нач. XVIII вв., были однодворными или двудворными, что соответствует «характерной особенности населенных мест того времени» [3].

Вот некоторые данные по составу мужского населения Илимского воеводства на 1723 г., куда входила и Кежемская слобода [11, табл. 8 на с. 120]:

1. Дети боярские, сотники, пятидесятники и десятники казахи, рядовые казаки, служилые люди, судовые плотники	286
699	
2. Посадские, жители.....	
3. Пашенные крестьяне, бездворные крестьяне, хлебные оборотчики, бобыли, крестьянские дети.....	256
5866	
4. Духовенство.....	764
5. Гулящие люди, работники, подворники, новокрещёные, нищие, дворовые, присыльные.....	
	Итого - 7871

С XVIII века также вводилось «узаконение о дозволении селить отставных нижних военных чинов на сибирской линии и в других гу-

берниях, где есть пустые земли». Были изданы правила для поселения отставных унтер-офицеров и рядовых в Сибири [3].

Исходя из этого краткого очерка истории заселения края, можно сделать вывод, что основная часть населения – крестьяне, служилые люди, бывшие военные и разночинцы повлияли на формирование традиционной культуры Кежемского района, в том числе и на фольклорную культуру этого региона, в которой очевидно проявляются черты мужского певческого стиля.

С точки зрения особенностей музыкального стиля, ангарская протяжная песня как изначально развивавшаяся в русле мужской песенной культуры, так и получившая в процессе своего формирования яркие черты собственно сибирской старожильческой традиции, обладает следующими особенностями, выделенными крупнейшим исследователем сибирской песни А. М. Мехнецовым:

- 1) выделенный зачин (как правило, декламационного характера);
 - 2) подчёркнутые цезуры на границах мелодических построений внутри строфы, имеющие смысл композиционного приёма, который организует музыкальное движение (фиксированная остановка, часто вызывающая словообрыв с последующим активным хоровым подхватом), «ферматность», ненормативная по метрике протяжённость отдельных тонов (долгие длительности);
 - 3) устойчивые интонационные формы каданса (формульные кадансы), подготавливающие строго согласованный выход голосов на конечный опорный тон» [6, с. 153].
- По нашим наблюдениям, к таким особенностям относятся также следующие черты стиля, проявляющиеся в сфере непосредственно исполнительской:
- 4) низкие тональности, где рабочими нотами являются *ми, ре* малой октавы;
 - 5) длинные распевы слогов с характерным подчёркнутым тактированием рук.

Исполнительницы-женщины часто говорили во время записи: «с мушшынами-та легче петь, песня башшэ (лучше, красивей – И. Г.) идёт!». Судя по музыкально-стилевым особенностям и предпочтению певцов петь смешанным либо мужским составом, можно говорить о том, что эта традиция некогда была частью мужской (воинской) культуры. На протяжении XX века, благодаря событиям которого исполнителей-мужчин стало значительно меньше, как в целом в России, так и в частности, в Сибири, чисто мужская исполнительская школа ныне почти утрачена. Но благодаря певцам-женщинам, усвоившим мужские приемы распева, сибирская протяжная песня сохранилась до на-

ших дней, и наряду с мужскими, получила новые сюжеты, связанные с женской тематикой.

Среди характерных местных приемов распева в протяжной песне, необходимо отметить особый приём «качания» звука. Прием состоит в том, что исполнитель начинает «раскачивать» интонацию внутри полутонов, на хорошем дыхании, помогая при этом себе животом (то напрягая, то расслабляя его). Это возможно только тогда, когда поёшь в низкой тесситуре. Более старинные песни так и исполнялись («*Старинну песню качать нады, а по советски-то всяк дурак проорёт!*»). Интересно то, что «раскачивая» песню, можно увеличить распев слогов текста, соответственно удлинив напев куплета. Напев удлинляли, добавляя в пение гласные звуки, и вставляя в него различные частицы, междометия, наречия и огласовки «да», «ох(ы)», «ой(е)», «вот», «то», «бы», «ведь», «только», «нонче». Причём гласные звуки в распевах пелись как чистыми, так и вместе с согласным звуком «г», например, «га-га», «го-го».

«Качали» песни не по всей Ангаре. Это чисто локальное проявление исполнительской традиции сел Заимка, Алёшкино, Недокура. Согласно нашим полевым наблюдениям, более старые исполнители больше «качали» песню, а более молодые, по выражению певцов, «скручивали» её, т. е. укорачивали. Такое пение обладает мощной энергетикой. Сами ангарцы рассказывают, что в старину, когда в избах пели, гасли «семилинейные» керосиновые лампы.

Есть у жителей этих сёл и своя музыкальная терминология. Говорят: не «петь песню», а «рвяётъ песню». Запев называют «зачином» или «начином»; петь верхний подголосок – «выводить», «выносить»; сокращать песню, укорачивать мелодию куплета по горизонтали, во времени – «скручивать», ошибаться – «кружать»; орать, петь фальшиво – «петь на отдёр»; нижний голос – это основа песни, называется «мотивом».

Исследователь музыкального стиля ангарской протяжной песни Л. А. Мухамедшина определяет ведущие признаки ее фактуры: «функциональное двухголосие, которое характерно как для старинной, так и для поздней лирической песни. Исполнители чётко разделяют функции внутри многоголосия. Основной является нижняя партия – ансамблевая, верхняя – всегда вспомогательная. Нижняя партия складывается из «зачина», переходящего в пучок структурно однородных мелодических линий, развивающихся по принципу вариантной гетерофонии» [7]. Эта партия исполняется большей частью певцов. При наложении верхней партии (это, как правило, один человек) на нижние голоса возникает развитая подголосочная полифония. Причём, исполнители в разных куплетах не повторяют мелодическую линию, а варьируют её, исходя из особенностей ритмо-ладовой структуры

данной местности. «Оба вида подголоска проявляют себя в каденциях различно. В традиционных песнях верхний подголосок завершается унисонным сочетанием с основной партией – *“в один звук сводим”*. Унисонные “узлы” характерны и в завершении отдельных построений. Второй вид подголоска в каденционных точках отмечен октавирующим звуком» [там же]. В большинстве случаев первый вид, с унисонным сочетанием голосов, характерен для более старинных песен, а второй вид, с октавирующим звуком, для более поздних.

В отношении лада кежемских протяжных песен можно сказать, что ни одна нотная запись не может передать всю палитру «завышенных» и «заниженных» ступеней, поэтому нотация представляет скорее схему движения голосов в общей песенной фактуре. Но всё же, если говорить о ладовой окраске протяжных песен с. Заимки, Алёшкино, Недокуры, то можно отметить такую особенность: в диатоническом ладу с малотерцовой третьей ступенью («миноре») повышается шестая и понижается вторая ступени, в ладу с большетерцовой третьей ступенью («мажоре») – повышается четвёртая и понижается седьмая ступень. Встречаются переменные лады с одновременно повышенной и пониженной третьей ступенью (так называемая третья «мерцающая» ступень).

Хотелось бы отдельно сказать о сюжетах исторических песен. Песня «Распрощался я с чистыми полями» повествует о событиях Кавказской войны 1817–1864 гг. «Не вейтесь, чайки, над морем» – это песня о событиях Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда в 1914 году в Восточной Пруссии Вторая русская армия под командованием генерала А. В. Самсонова была окружена и почти полностью попала в плен; второе событие, которому была посвящена эта песня – гражданская война 1917–1922 гг., о борьбе казачьего атамана Г. М. Семёнова с красными партизанами в Забайкалье.

В традиции ангарских сел сохранилась глубокая вера и старинные благочестивые обычаи. В особо засушливые годы женщины одевали старинные одежды, шли на Ангару, исполняя «божественные» песни (по всей видимости, молитвы либо духовные стихи), заходили в воду, купая в реке иконы. А на следующий день, как правило, шёл дождь.

К числу местных обычаев относилось также исполнение во время похоронного и поминального обрядов приуроченных к ним протяжных песен. Скорее всего, в давние времена исполнялись обрядовые песни либо духовные стихи, но со временем они заместились «новыми» лирическими образцами. Не каждая протяжная песня могла исполняться на похоронах. В ней должно было говориться о разлуке, расставании, горе и несчастьи. Сами ангарцы объясняют это тем, что это пение заставляет человека плакать: *«Плакать обязательно*

нады. Нельзя держать горе внутри. Как поплачешь, так и легче сразу станет». Похоронные песни пелись на третий день в доме умершего, когда прощались с ним. Для их исполнения с утра приглашались знатоки старинной песни. Могли петь и родственники покойного. Пели как мужчины, так и женщины, но не громко, дабы не потревожить «сон» усопшего. Траурная процессия («шли на бор за гробом») сопровождалась пением (гроб несли на руках). На кладбище, когда прощались с покойным, и когда опускали гроб в могилу и засыпали его землей, также звучали похоронные песни. Придя с кладбища на поминки («на горячее»), петь уже было не принято. Но на годовщину смерти, и в последующие годы, когда выпадали дни памяти по умершему, обязательно пели.

Эти же песни могли исполняться и на праздниках, и в застольях. В недавно выпущенном мною сборнике «Протяжные песни Кежемского района», этот материал представлен образцами различных внутрижанровых групп. Это лирические песни, романсы, рекрутские и исторические песни. Ранее похоронные песни различались по половозрастному принципу. Например, «Расцветали душистые розы» пелась только мужчине, «Глубокая могилка» – девушке, «Помирал комсомол» – молодому парню. Но со временем обычай изменился, и похоронные песни в обряде могли исполняться любые, без специального приурочения. В Красноярске ангарцы приглашают на похороны проводить покойного в последний путь фольклорный ансамбль «Живая старина», т. к. знатоки старинных песен уходят, а память о том, что надо соблюсти обычай, осталась.

Автором доклада было осуществлено 10 экспедиций в районы Красноярского (Богучанский, Кежемский районы) и Иркутского (Усть-Илимский район) Приангарья. С 1998 года и до настоящего времени ведётся исследовательская работа с переселенцами из Кежемского района также в городе Красноярске. Дело в том, что с 1974 года на Ангаре началось строительство Богучанской ГЭС, и практически с этого же времени началось массовое переселение жителей этого района в разные города Красноярского края, в том числе и в сам Красноярск. В 2012–14 годах было затоплено около 29 деревень и населённых пунктов. В городе Красноярске было создано «Кежемское землячество», с которым активно сотрудничает фольклорный ансамбль «Живая старина», выступая на мероприятиях этой организации.

Многолетний собирательский опыт показал, что самая старинная традиция пения бытовала в сёлах Заимка, Алёшкино, Недокура (наиболее богато распеты и протяженные напевы и редкие литературные сюжеты), вероятно, ввиду удалённости этих деревень. Сёла

Заимка и Алёшкино располагались на одном из самых крупных ангарских островов (длиной 20 км) – острове Тургенев, село Недокура на левом берегу Ангары, напротив самого острова. Из этих трех сёл самое архаичное пение было в селе Заимка (больше всего «качали» и «тянули» песню). Поэтому экспедиционная работа велась в основном с жителями этих сёл, и в основном только с двумя ансамблями.

1. Брюханова (Брюханова) Екатерина Яковлевна 1915 г. р., Кирпиченко (Заборцева) Татьяна Ларионовна 1922 г. р., Быкова (Брюханова) Раиса Никитична 1927 г. р., Заборцева (Шаманская) Мария Михайловна 1927 г. р. (все исполнительницы – уроженки села Заимка).

2. Верхотурова (Иванова) Афанасия Филипповна 1921 г. р. (уроженка с. Недокура), Рукосуева (Иванова) Екатерина Ипполитовна 1922 г. р. (уроженка с. Недокура), Лимерова (Брюханова) Нина Васильевна 1932 г. р. (уроженка с. Заимка), Артамонова (Качина) Нина Михайловна 1935 г. р. (уроженка с. Алёшкино), Сизых Николай Семёнович 1935 г. р. (уроженец с. Алёшкино), Сизых (Брюханова) Анна Михайловна 1936 г. р. (уроженка с. Заимка), Брюханова (Щёголева) Валентина Ивановна 1937 г. р. (уроженка с. Заимка), Бабашкина (Привалихина) Галина Фёдоровна 1940 г. р. (уроженка с. Недокура).

Жители этих сёл имели свои общие прозвища («прозвища»). Например, жители с. Заимка – «позыва́лы», прозванные так за самую певучую речь и пение на Ангаре, жители с. Недокура – «горбачи́», с. Алёшкино – «колючи ежи». Прозвища были не только коллективными, но носили и индивидуальный характер. Они были персональными и родовыми («платоновские» – родовое, потому что в «родовё» когда-то был дед Платон, «Симу́ля», «Симу́лиха» – персональное прозвище, потому что раньше кто-то из родственников уклонялся от службы в армии, а после прозвище «прилипло» к потомкам). Могло быть у человека сразу два прозвища – родовое и персональное. Стабильная осёдлость старожильского населения обусловила ещё одну особенность – большое количество близких и дальних родственников, имеющих одинаковые фамилии. Для каждого села характерны несколько основных фамилий, охватывавших в своё время до 90 % всех жителей: с. Заимка (Заборцевы, Брюхановы, Пановы), с. Недокура (Быковы, Ивановы), с. Алёшкино (Сизых, Пановы, Качины, Столбиковы).

Жители сёл Алёшкино и Недокуры признавали, что в Заимке самое распевиное и старинное пение, и в общих гулянках всегда привлекались к ним в исполнении протяжных песен. В каждом селе была своя церковь, и справлялся свой престольный праздник. К примеру, в с. Заимка было три таких даты – «Никола-Вёшний» (9 мая по ст. ст./22 мая по н. ст.), «Казанская» (22 октября по ст. ст./4 ноября по н.

ст.), «Абросим» (7 декабря по ст. ст./20 декабря по н. ст.); в с. Недокура – Новый год (1 января по ст. ст./14 января по н. ст.), а в с. Алёшино – Рождество (25 декабря по ст. ст./7 января по н. ст.). Общались эти сёла очень тесно и в старину на «съезжие» (престольные) праздники приезжали друг к другу в гости, где, конечно, много пели.

Литература

1. *Арефьев В. С.* В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 1–36; 1901. Вып. 1. С. 88–117.
2. *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейской губернии: Свадьба в Ангарской деревне // Известия ВСОИРГО. 1902. Т. 32, № 1–2.
3. *Белюсова Г. Г.* Из истории заселения Кежемского района Красноярского края // Страницы истории земли кежемской: [сб. статей и воспоминаний] // [сост. В. М. Шурасев, М. В. Баранова, Е. А. Чугунова]. Красноярск: Бизнеспрессинформ, 2007. С. 43–54.
4. Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX вв.) // Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, В. А. Безруких. Красноярск: РАСТР, 2012. С. 16–18.
5. *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Красноярск: Гос. тип., 1913. 293 с.
6. *Мехнецов А. М.* Песни русских старожилов Западной Сибири. Вып. 1: Народные песни Томского Приобья. М.: Издательство «Родник», 2000.
7. *Мухамедшина Л. А.* Традиция протяжных песен на Ангаре // Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 146–155.
8. *Новосёлова Н. А.* Локальное проявление песенной традиции в Приангарье // Художественная культура Красноярья. Красноярск, 1992. С. 47–62.
9. *Новосёлова Н. А.* Не кукушечка кукует: Русские народные песни Приангарья. Красноярск, 1989. 120 с.
10. Песни старой Кежмы: фольклорные экспедиционные материалы / сост. Н. А. Новосёлова. Красноярск: ГЦНТ, 2015. 233 с.
11. *Шерстобоев В. И.* Илимская пашня: В 2 т. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001.